

АЛЕКС СТАР

ДИСЦИПЛИНА
ХИМИЯ
ПЛОХОЕ ПОВЕДЕНИЕ

ФИЗРУК
и
ТРУДОВИК
— О ДЛ Я —
ИСТЕРИЧКИ

18+

Алекс Стар

Физрук и трудовик

для исторички

<https://litres.ru/74530598>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне остался всего год.

Точнее, моей репродуктивной системе. Потом — климакс. Моя гинеколог мне так и сказала на приёме.

Но я ведь так всегда хотела иметь детей!

— Для этого достаточно заняться... — заявила мне врач.

Но как этим заняться, если я — училка в школе! В женском коллективе!

— Коллеги, хочу вам представить наших новых преподавателей в этом учебном году: Григория Орлова и Григория Потёмкина. Они будут вести уроки труда и физкультуры, — и моё сердце вдруг катится куда-то под парту, ведь это те самые красавчики, с которыми я... В один день... Чтобы наверняка...

Содержание

1	4
2	9
3	14
4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алекс Стар

Физрук и трудовик

для исторички

1

Сегодня мои яичники прозвенели свой последний звонок. Точнее, один из них.

— Запомни, Романова, у тебя остался примерно год, — устало бормочет куда-то в сторону монитора моя бессменная гинеколог, и я чувствую, как у меня предательски начинают подкашиваться ноги и дрожать губы.

— Что значит год? — сдерживаюсь я, хотя мне и так уже становится понятно, что именно она имеет в виду.

— Год на то, чтобы успеть зачать здорового малыша, если ты, конечно же, всё ещё хочешь испытать радости материнства, — отрывается она наконец-то от матки и яичников на своём мониторе и пристально рассматривает меня.

Мою фигуру, пышную грудь под тонкой строгой блузкой, словно пытается навскидку оценить мои шансы на то, чтобы эту самую радость успеть испытать.

— Но почему только год?! — я не собираюсь сдаваться.

— Мне ведь всего только тридцать девять! Сейчас вон, бабы, и в пятьдесят рожают...

— То — бабы. И у них другие яичники, — одёргивает меня врач. — Каждой из нас отведён свыше свой запас, — и она куда-то украдкой косится вверх, словно невидимый кто-то сможет щедрой рукой отсыпать мне ещё яйцеклеток. — Видишь, — тычет она куда-то в черноту на мониторе, будто там сокрыта тайна, которую я сейчас разгадаю. — Правый яичник у тебя больше не работает. А левому я лично даю год. Потом всё.

— Что всё? — всхлипываю я.

— Климакс, — выносит свой окончательный вердикт безжалостный врач. — Так что если ты всё ещё хочешь завести ребёнка, очень советую поторопиться, — убирает она свой прибор куда-то в чехол.

— Что значит — поторопиться? Это же не в магазин сходить... — начинаю неуверенно лепетать я.

— Забеременеть много ума не надо. Достаточно хотя бы разок заняться сексом. Когда у тебя был половой контакт в последний раз? — укоризненно смотрит она на меня, как фашист на допросе, и я чувствую, как от её грозного вида мой единственный живой яичник скукоживается в маковую розинку.

— В прошлом... Ммм-ме...

— Месяц назад? — уточняет врач.

— Точнее, в прошлом году, — признаюсь я, тут же зали-

ваясь алой краской, словно я совершила преступление перед всем человечеством, ограничив свою активную половую жизнь.

Хотя я вру, это было, мне кажется, года три назад... Или даже больше...

— Вот и ответ. Вот и решение, — недовольно фыркает она. — Займись, в конце концов, сексом, и тогда, возможно, в следующий раз мы увидим на моём мониторе совсем другую картину, — напутствует меня гинеколог, пока я судорожно стираю с себя липкий лубрикант, которым она щедро полила мой живот и бёдра.

Легко сказать: займись сексом!

Да только с кем?! С первым встречным?!

После того, как мой муж изменил мне десять лет назад с моей же сестрой, я потеряла и мужа, и родственницу, и веру во всё человечество. Как-то не очень после этого хочется заниматься сексом!

Сколько вообще лет я прожила без этого всего? Всё откладывала на потом, и вот, это туманное «потом» наступило.

Один год. Надо что-то срочно предпринимать.

Сайты знакомств? Там как раз только и пасутся те, кто только и хотят заниматься сексом... Но у меня большой вопрос к их генетике...

Банк спермы? Тот ещё кот в мешке...

Я судорожно перебираю в голове все возможные варианты, пока мои ноги сами не приносят меня к порогу родной

школы.

Моей любимой школы.

Я и в училки только пошла из-за того, что так люблю детей! И вот теперь надо мной нависла угроза навсегда лишиться своих собственных.

Голова кружится, я чувствую жар: блин, это видимо уже обещанный климакс подступает. Расстёгиваю судорожно две верхние пуговицы на блузке, чтобы хоть немного охладиться, и даже не замечаю, как моя грудь впечатывается во что-то упругое и живое.

Поднимаю глаза вверх и понимаю, что я со всей дури влетела в какого-то мужика на входе, который сейчас стоит с молотком в руках и прибавляет стенд к стене.

— Простите, — с чувством собственного достоинства бормочу я, понимая, что я сейчас прижимаюсь грудью к его мускулистому торсу, обтянутому рабочей спецовкой, а он при этом не отлипаясь рассматривает моё декольте, на котором я так опрометчиво ослабила пуговики.

И теперь мой слишком алый для школьных стен бюстгалтер буквально выпрыгивает из низкого выреза ему навстречу.

— Ничего страшного. Мне нравится, — не спешит отстраняться от меня этот наглец, и я сама с усилием делаю шаг назад.

Какой-то рабочий. Последние штрихи перед первым звонком завтра.

— Вы лучше стенд ровно прибивайте, а то у вас всё перекосилось, — кидаю я ему напоследок, поскорее ныряя в двери своего класса.

Вот такие придурки как раз и пасутся на сайтах знакомств. Правда, этот ещё совсем даже ничего...

И я вспоминаю его сильные руки, голубые глаза и квадратный волевой подбородок. И ещё что-то, во что я уткнулась бедром... Может быть, это был его молоток? Или какой-то другой инструмент?

Но моё тело подсказывает мне, что это было именно то, о чём я подумала, и меня вдруг окатывает горячая стыдливая волна, а князья, императоры и великие полководцы взирают на меня со стен сверху вниз, пока я чувствую уже давно позабытое томление у себя между бёдер...

Нет, так нельзя. Хорошие учительницы себя так не ведут...

Кидаю взгляд на свою ролевую модель — Катюшу Великую, и во мне вдруг просыпается странная решимость.

Нет ничего проще, чем заняться сексом... Поиски подходящего партнёра во всяких мусорных приложениях способны свести с ума. Завтра эти школьные коридоры и классы наполнятся шумом и гамом, а пока я здесь единственная повелительница и императрица.

— У тебя ведь тоже было сотни любовников, и это не мешало тебе остаться величайшей женщиной в истории, — бормочу я себе под нос и подхожу к любимому портрету.

Со всей силы дёргаю за раму, и хилый гвоздик с жалобным звяканьем вылетает из хлипкой стены. Не даю себе даже и секунды на сомнения — а вдруг передумаю, и уже выглядываю в коридор, принимая как можно более соблазнительную позу.

— Эй, вы, можно вас на минутку, — тихо шепчу я, подманивая пальчиком этого сексуального ремонтника, который уже почти закончил вешать свой проклятый стенд.

— Тебе — хоть на час, — сразу же довольно хмыкает этот самец, направляясь уже в мою сторону.

А этот хмырь знает себе цену! У них, у пролетариев, времени даром не теряют! Какой-нибудь интеллигентик мялся

бы полчаса, а этот слесарь уже вплотную подходит ко мне, и я отступаю назад, в свой класс, заманивая его внутрь...

Ещё немного, и ловушка захлопнется, малыш...

— Завтра у меня первый урок, и представляете, упал мой любимый портрет, — с самым невинным видом лепечу я, указывая на вырванный с мясом из стены портрет Екатерины Великой. — Раз уж вы у нас делаете ремонт, не могли бы и меня починить немного... — хихикаю я с глупой улыбкой, ещё ниже наклоняясь к нему, чтобы дать ему повнимательнее рассмотреть содержимое своего декольте.

Ещё раз внимательно рассматриваю этого рабочего: ну что же, если бы не эта спецовка, то он был бы самым настоящим красавчиком. Высокий, подтянутый, стройный. Сразу видно, что всю жизнь занимается физическим трудом, а не пялится в очках в монитор.

Лёгкая небрежная щетина придаёт ему ещё больше брутального шарма, а едва уловимый аромат солярки и стружки смешиваются с терпким ароматом здорового мужского пота.

У меня начинает слегка кружиться голова, но я не остаиваюсь.

Пока не передумала.

Это же так просто. И быстро. Просто заняться сексом.

Пусть и с первым встречным. Завтра я его уже не увижу, а если повезёт, то мой единственный уцелевший яичник всё-таки сделает свою работу.

Мой взгляд невольно скользит ниже по атлетичной фигуре, и я просто упираюсь в чётко обрисовывающееся под тканью штанов достоинство. О боже, да он просто гигант!

Сглатываю.

— Нравится? — перебивает мои липкие мыли и желания низкий хриплый голос, и я выдавливаю из себя улыбку:

— Да.

Подхожу к двери и закрываю её на замок.

Вскидываю взгляд на своего первого встречного и делаю решительный шаг к нему.

Ну что там делают все эти развратные женщины? Откуда мне знать?! Но я не намерена останавливаться.

И я просто беру и кладу свою ладонь на бугрящуюся ширинку, и жаркая каменная плоть буквально обжигает мою кожу через грубую ткань!

— А ты зря время не тратишь на разговоры, училка, — усмехается слесарь, и его ладонь ложится на мою грудь, чуть стискивает её, и невероятное желание прокатывается по всему моему телу тёплыми волнами, вырывая из моих губ тихий всхлип.

— Я тебе не училка, а Екатерина Алексеевна, — обрываю я этого хама, сжимая ладонь, и не успеваю опомниться, как сладкие спелые губы с привкусом лёгкой горчинки накрывают мой рот.

Я буквально задыхаюсь, когда наглый упругий язык врывается в меня, и я обхватываю его губами, как трубочку, и

начинаю медленно посасывать. Да что это вообще со мной?! Я ведь никогда себя так не вела. И только Екатерина Великая, кажется, подмигивает мне со своего портрета, который так и остаётся стоять у стены с вырванным гвоздём...

Две сильные ладони обхватывают меня под попку и вот я уже восседаю верхом на своём учительском столе, а этот беспардонный слесарь тут же задирает мою узкую юбку почти до ушей, обнажая мою розовую яркую плоть.

— Ого... — вырывается у него не то всхлип, не то нетерпеливый рык, и вот уже он обсасывает свой большой палец и проводит подушечкой вдоль моих трусиков, и я сама судорожно вскрикиваю в ответ. — Да ты уже вся течёшь, училка, — удовлетворённо заявляет он, отодвигая тонкую кружевную ткань в сторону, и его палец погружается в мою мягкую шёлковую плоть.

Ну да, он абсолютно прав: я вся промокла. Насквозь.

Сколько у меня этого всего не было? Год? Два? Я уже не помню, и отчаяние придаёт мне сил.

Я обхватываю ногами упругие крепкие бёдра, притягиваю этого мужика к себе и уже быстро и уверенно растёгиваю его ширинку... Мои пальцы касаются восхитительной тёплой плоти, которой я не касалась целую вечность: боже мой, это же, оказывается, так здорово касаться живого мужика, и я уже обхватываю гуттаперчевый твёрдый ствол, пока жадные мужские губы перекатывают, смакуя, мои затвердевшие

горошины сосков.

Я не даю ему опомниться и ещё сильнее прижимаю к себе ногами, и весь мой мир катится ко всем чертям...

— Ну ты даёшь, училка... — тяжело дышит мне в плечо слесарь, и я чувствую кончиками пальцев, как нервно подрагивает его влажная от пота спина.

Хорошо потрудился. Молодец. Даже жалко, что я его больше никогда не увижу.

Заняться с ним сексом было самое просто и самое сложное решение в моей жизни.

Но я ни о чём не жалею.

Он такой красавчик. И так классно делает это...

— Не надо, я сама повешу, — кидаю я ему, когда он подходит к стене, чтобы водрузить Екатерину обратно на стену.
— Тебе пора идти.

— Может, повторим? Мне вообще-то понравилось. Дашь телефончик? — начинает было он.

— Забудь, что ты меня вообще знаешь, — поправляю я на себе юбку и с равнодушным видом и отворачиваюсь от него.

Как низко я пала! Но единственная мысль греет меня: возможно, прямо в эту самую секунду, шустрые головастики уже делают своё дело, и я ещё успею заскочить в последний вагон уходящего поезда и стать мамочкой года!

Тело приятно постанывает после недавнего приключения, я лениво перелистываю тетрадь с учительскими конспектами на завтра, как вдруг в кабинете раздаётся звук удара и звон бьющегося стекла.

И следом на пол влетает футбольный мяч. Да что это такое?! Новый учебный год ещё не наступил, а у меня уже полный хаос и разорение! Вне себя от злости я подхожу к окну и высываюсь из него, уверенная, что это кто-то из ребят на каникулах решил погонять в футбол перед началом школы.

Но на школьном дворе пусто. Точнее, нет, там нет детей. Ещё бы: кого из них вообще загонишь в школу в последний день лета? Вместо них у футбольных ворот стоит какой-то незнакомый мужик. Забрёл, видимо, с района, в футбол погонять.

Внимательнее присматриваюсь перед тем, как обрушить на него весь свой праведный гнев.

Высокий, загорелый, в мокрой от пота футболке, которая облепила такую грудку рельефных мышц, что у меня на секунду пропадает голос. Взлохмаченные тёмные волосы, самоуверенно вздёрнутый подбородок и такой взгляд, будто это не он выбил моё окно, а я виновата в том, что это окно стояло на его пути. Этот наглый самоуверенный взгляд сразу

же придаёт мне злости, особенно когда я осматриваю свой разорённый класс, который я как раз украсила к завтрашнему первому звонку.

— Эй, вы! Что вы тут вообще творите?! Я сейчас полицию вызову! — гаркаю я, возвращая себе дар речи.

Но этот наглый Месси только улыбается одними уголками губ. Неторопливо, вразвалочку, направляется в сторону окна.

— Прости, крошка. Не знал, что тут такие горячие училки обитают. Отрабатывал двойной удар, знаешь, как это бывает? — начинает он, останавливаясь прямо под окном и глядя на меня снизу вверх. — Первый удар — по мячу, второй — сразу после отскока, на опережение. Рикошет получился слишком сильным. Немного не рассчитал.

— Немного?! У меня класс теперь без окна! — я продолжаю кипятиться, но мозг вдруг цепляется за его слова.

Двойной удар...

И тут ужас окатывает меня ледяной волной: а что если у меня ничего не вышло с этим красавчиком, слесарем? Что если это был холостой выстрел?

Как этот придурок сказал? Сначала по мечу, потом рикошетом... Или на опережение... В общем, не важно. Главное — чтобы наверняка.

Этот недоделанный футболист отряхивает ладони, всё ещё не сводя с меня глаз. В его взгляде нет и тени раскаяния. Только голодный интерес. Так смотрят на красивую витрину

с пирожными перед тем, как их все сожрать. Или разнести одним рикошетом.

Высокий, красивый, наверное, мой ровесник. И всё ещё в отличной форме... Хм... С генетикой, значит, всё отлично...

— Прости, — повторяет он низким чуть хриплым голосом. — Я согласен загладить свою вину.

Спортсмен всё ещё стоит там, под окном. Мяч, как нашкодивший пёс, остаётся лежать в классе. Я понимаю, что должна просто вернуть его ему и закрыть остатки окна. Понимаю, что это первый встречный, такой же, как и тот слесарь.

Но в голове навязчиво зудит одна только мысль: двойной удар.

Чтобы наверняка.

Сначала — слесарь. Теперь — этот футболист. Что там нам говорит теория вероятности? И хотя я учитель истории, даже я понимаю, что с двумя больше шансов. Ровно в два раза... Мой единственный живой яичник, кажется, сам подталкивает меня к нужному решению. Словно теперь он думает за меня.

Ноги едва слушаются, но я выхожу на школьное крыльцо, прижимая мяч к груди, чувствуя, как от него пахнет кожей и летней пылью.

Месси ждёт меня. Стоит, облокотившись на капот дорожной тонированной иномарки, припаркованной в тени за

углом школы. Стекланные осколки на моих туфлях весело хрустят. Он снова осматривает меня тем самым наглым голодным взглядом — от кончиков туфель до растрепавшихся волос — и ухмыляется ещё шире.

— Так как я могу загладить вину, училка? — он делает шаг ко мне, и расстояние между нами схлопывается до какого-то полуметра.

Меня окатывает жаром его разгорячённого потного тела. Запахом адреналина и мужских побед. Но я уже всё решила за нас двоих. Пусть этот дурачок думает, что это он устанавливает правила игры. Но мне не нужен ремонт или деньги. Мне нужен он.

— Открой свою тачку, — приказываю я ему, и он машинально пикает ключом.

Я уверенно распахиваю заднюю дверь и ныряю в чёрный непроницаемый салон на зданье сидение. Футболиста не приходится долго уговаривать: он тут же охотно ныряет следом, словно только и ждал этого момента.

В полумраке тонированного салона я вижу его глаза. Огромные, тёмные, голодные. Он ничего не спрашивает и не продолжает ненужный пустой разговор, словно он и так всё понял без слов. Просто подаётся вперёд и впивается в мои губы так жадно и уверенно, будто ждёт этого с того самого момента, как увидел в окне.

Я вскрикиваю, мой стон тонет в нашем безумном поцелуе. ему в рот. Поцелуе двух незнакомцев, которые больше нико-

гда не увидятся в этой жизни. Его язык врывается, скользит, сплетается с моим, а руки уже уверенно задирают мою узкую юбку, сминают, раздвигают бёдра. Поцелуй похож на схватку за последний глоток воздуха, и я с наслаждением проигрываю её.

— Какая же ты... Дерзкая... — выдыхает он мне в шею, и по моему позвоночнику пробегает электрический разряд.

Мужчина стягивает с меня трусики одним резким движением, не церемонясь, и я прикрываю глаза, чтобы не чувствовать своего позора, своего стыда...

Мне сейчас не до них...

Его пальцы скользят вокруг моей ягодки, дразнят меня, подготавливают, и я чувствую, как вся наполняюсь липкой тягучей влагой. Он рычит, подводя меня к самой грани, а я уже кусаю губы, чтобы не закричать на весь школьный двор.

— Наверняка... — шепчу я, не понимая, говорю ли вслух, или мне это кажется. — Мне нужно наверняка...

— Не переживай, детка, — усмехается футболист. — Орлов на полпути не сдаётся. Голы забиваю чётко...

Он легко приподнимает меня, усаживая на себя, и одним движением наполняет до предела. Я вскрикиваю, вцепившись в его плечи. Теснота дорогого кожаного салона, жар наших тел, тугой ритм — всё это сливается в один бесконечный спазм. Он двигается резко, мощно, прижимает меня к себе так, что я чувствую, как его пальцы вжимаются в мою кожу, оставляя синяки. Это не про нежность. Это про жаж-

ду. Про то, о чём пишут на анонимных форумах, а я только вижу об этом сладкие сны.

Я смотрю в окно машины — на пустой школьный двор, на покорёженное окно моего класса, на кусочек неба. А внутри меня бушует настоящая буря. Волна накатывает за волной, и когда он хрипло выкрикивает что-то мне в шею и сжимает меня в тиски, меня словно разрывает на тысячи светящихся осколков.

Мы сидим в полной тишине.

И только наше сбившееся дыхание, смешанное с запахом кожи и секса, нарушает её.

Я резко отстраняюсь, поправляя юбку. Руки дрожат. В голове шумит. Боже, что я делаю? Кем я стала? Как распоследняя...

Но когда я смотрю на этого незнакомого красавчика, ненужный стыд отступает, уступая место странному, пугающему удовлетворению.

Я — училка. Приличная женщина. И я только что отдалась незнакомому мужику на заднем сиденье его машины. Ради шанса. Ради ребёнка.

Вот это я называю моим двойным ударом.

Чтобы наверняка.

Теперь-то точно должно получиться. По крайней мере мои шансы увеличились ровно в два раза.

Беру себя в руки и открываю дверь.

— Эй, ты куда? А поцеловать? — несётся мне в спину, но я даже не оборачиваюсь в ответ.

Ничего, переживёт как-нибудь без поцелуев. Взрослый мальчик.

День знаний проходит как обычно: в суете первых линеек для первоклашек, встреч после долгих летних каникул и обмена новостями.

И хотя маленький червячок сомнения точит меня изнутри, не давая расслабиться, я приказываю ему прекратить: я всё сделала правильно.

Так было нужно. Для меня и для улучшения демографии в целом.

К тому же сладкая истома, всё ещё поплескивающая во всём моём теле при каждом движении, напоминает мне, что это всё ещё было не только стыдно, но и чертовски приятно.

И я повторила бы всё это снова, если бы потребовалось.

В учительской как всегда пахнет кофе, лаком для волос, дешёвой помадой и несбывшимися женскими мечтами. Да уж: сплошной бабский коллектив. И только наша бессменная директриса Алла Витальевна очень надеется, что этот год пройдёт без эксцессов.

Хотя, если подумать, вчера у меня было уже целых два эксцесса. Но об этом ей точно знать совсем не обязательно.

— Уважаемые коллеги, минуточку внимания! — хлопает она в ладоши, и весь кабинет послушно замолкает. — Хочу

представить вам пополнение нашего дружного коллектива.

Я как раз тянусь за своей дежурной кружкой, когда дверь распахивается, и в учительскую входят они.

Оба.

Вчерашний слесарь. В отглаженной на этот раз рубашке вместо спецовки, с трёхдневной щетиной и тем же самым хищным прищуром, каким он смотрел на моё декольте вчера. А рядом с ним — Месси собственной персоной, всё такой же лощёный и самодовольный, только теперь в спортивном обычном костюме и со свистком на шее.

Физрук. Мать его.

— Знакомьтесь: наш новый преподаватель труда и технологии для мальчиков, Григорий Потёмкин, — торжественно вещает Алла Витальевна, кивая на слесаря, и мир вокруг меня начинает вращаться быстрее обычного. — И новый учитель физической культуры, тоже, представьте себе, Григорий. Только Орлов, а не Потёмкин. Григорий Орлов.

По учительской прокатывается смешок — совпадение имён и правда звучит как анекдот. Только мне почему-то совсем не до смеха. Судьба, видимо, решила пошутить особенно жестоко, взяв фамилии прямиком из моего любимого учебника истории. Два фаворита одной императрицы. Ну разумеется. А кто ещё мог бы искать работу именно в моей школе?

Кружка в моих руках предательски подрагивает, не выдерживает такого удара судьбы и катится прямо на пол.

Все взгляды тут же устремляются на меня, и я могу выдать только вялое:

— А как же наши учителя Пётр Иванович и Емельян Сидорович? Я думала они останутся с нами...

— Так им уже давно на пенсию было пора, — довольно хихикает Алла Витальевна. — Зато у нас в этом году молодежи прибавилось! — кокетливо стреляет глазками директриса в сторону обоих Григориев, которые тут же узнают меня, я это вижу по их глазам.

Сомнений быть не может.

Первый Орлов подмигивает так демонстративно, что я чувствую, как заливаюсь краской до самых ушей. Потёмкин — тот вообще не скрывается: медленно, со вкусом облизывает губы, будто вспоминает вчерашний вкус чего-то определённо не связанного с педагогикой.

— Екатерина Алексеевна ведёт у нас историю, — зачем-то поясняет им директриса, совершенно не подозревая, что представляет их женщине, с которой оба уже успели познакомиться значительно глубже, чем предполагает учебная программа. — Она у нас, можно сказать, старожил коллектива.

— Старожил, значит, — с расстановкой повторяет Потёмкин, и в его голосе звучит такой жирный намёк, что я мысленно готова провалиться сквозь паркет прямо в подвал, где хранятся списанные парты.

— Обожаю историю, — зачем-то добавляет Орлов, засо-

вывая пальцы за ремень, и я невольно кидаю взгляд на его ширинку, которую вчера же сама и наглаживала, соблазняя его, и теперь мне кажется, что все видят, что я стала буквально бордовой, как свёкла!

Мне кажется, что собрание тянется бесконечно. Я для вида утыкаюсь в свой ежедневник, изображая крайнюю занятость планами уроков, но кожей чувствую два взгляда — цепких, голодных, абсолютно бесстыжих. Они прожигают мою блузку насквозь эффективнее любого рентгена.

Ну уж нет. Никакого продолжения. Я не какая-нибудь училка лёгкого поведения, у меня просто был план, отчаянный и разовый! Никто не должен узнать, а уж тем более — повторить.

После собрания я вылетаю из учительской первой, срезая путь через параллельный коридор, лишь бы не пересечься ни с одним из них. Влетаю в свой класс, захлопываю дверь и прислоняюсь к ней спиной, переводя дух.

И тут же слышу за спиной, за дверью, до дрожи знакомый голос:

— Екатерина Алексеевна... — с лёгкой хрипотцой произносит он. — Откройте. Нам нужно кое-что обсудить. Наедине.

Ручка двери за моей спиной медленно поворачивается и открывается.

Ну конечно же. Он же слесарь, и никакие замки не спасут меня от него.

— Не думала, что увижу вас здесь снова, — с обидой произношу я.

Ну почему он мне не сказал, что работает здесь?! Он специально всё подстроил, — слёзы обиды душат меня, хотя разумом, конечно же, я понимаю, что никто мне не виноват, и что я должна сама нести ответственность за свои поступки.

— А я вот очень даже рассчитывал. На новую встречу, — нагло тянет он, делая шаг навстречу, и теперь он так близко, что моё тело мгновенно вспоминает всё, что он вчера дела здесь с ним.

Со мной...

— Екатерина! Училка! — вдруг перебивает этот момент громкий голос, когда в мой класс истории входят второй, Орлов, и мне кажется, что у Екатерины Великой на портрете волосы встают дыбом от этой картины...

И теперь я стою абсолютно растерянная, раздавленная и безмолвная между двумя мужчинами, с которыми переспала накануне, и главное — они ведь даже и не подозревают об этом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.